

О ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ГРУПП ЛЕКСИКИ

И. М. Чебочакова

УДК 811.161.1

В статье анализируются вопросы, связанные с появлением и функционированием тюркизмов в русском языке: социокультурные условия заимствований из тюркских языков в русский, их семантические особенности и трансформации. Рассматриваются отдельные группы тюркизмов в русском языке. Получают описание тюркские, хакасские элементы, употребляющиеся русскоязычным населением Республики Хакасия.

Ключевые слова: тюркизм, заимствование, лексика, тюркские языки, русский язык, стилистическая окрашенность, тематические группы, грамматическое освоение

В современной науке имеется немало специальных исследований, посвящённых анализу русизмов в лексике, грамматике и фонетике тюркских языков. Но исследований, посвящённых анализу тюркизмов в русском и других славянских языках, еще недостаточно [1, с. 5]. Исследования, разрабатываемые в рамках данной тематики, имеют ценность, поскольку Сибирь, куда входит и Хакасия, является полиэтничным, мультикультурным регионом. Освоение Сибири русскими связано с адаптацией русского народа к непривычным для него географическим условиям, что отразилось, конечно, и в языке, а конкретно, в его лексике. Актуальность темы связана также с переориентацией современной лингвистической парадигмы на семантику языковых единиц.

Проникновение элементов тюркских языков в русскую речь и в русский язык чрезвычайно многообразно, но до сих пор оно ещё недостаточно полно вскрыто, особенно в отношении грамматики, лексики и фразеологии.

Мало исследований, касающихся воздействия тюркской фонетической и грамматической структуры на фонетику и грамматику некоторых диалектов русского языка. «Мало изучены тюркские заимствования в русском словообразовании (ср., например, тюркские модели в образовании некоторых так называемых *парных слов*) и фразеологии (ср. например, кальки с тюркских речений типа *давай пойдём, давай посидим*)» [2, с. 5]. Н. А. Баскаков считает кальками, образованными на базе тюркских аналитических конструкций, такие разговорные формы, как *он бросил пить, пошёл колобродить, пошла писать губерния, пошёл пьянствовать* [3, с. 14].

Изучение тюркизмов в русском языке и, шире, в славянских языках проводится в нескольких аспектах. Это выделение лексико-семантических и тематических групп заимствований, их периодизация, анализ особенностей семантического развития и функционирования в языке, а также частоты употребления, выявление морфологической структуры, этимологии.

Ученые установили ряд признаков, которые могут служить критериями освоения русским языком заимствованных слов: 1) употребление слов в произведениях переводной и оригинальной художественной литературы, в периодике, в научных трудах без перевода; 2) заимствование слов в их первоначальной форме по причине отсутствия в русском языке соответствующего эквивалента, смысл которого может быть передан только описательно; 3) освоение слов русским языком с некоторыми фонетическими изменениями; 4) оформление их элементами русского словообразования и словоизменения [4].

Как пишет А. В. Калинин, большая часть слов тюркского происхождения заимствована во время татарского нашествия (XIII-XIV вв.), некоторые проникли раньше. Среди тюркских заимствований отмечены названия одежды и её частей: *тулуп, сарафан, башлык, чулок, армяк, колпак*; коневодческая лексика: *лошадь, табун, аркан, буланный*; хозяйственная лексика: *амбар, сарай, утюг, сундук, войлок, чемодан, бадья, чугун, очаг, наждак*; названия кушаний, продуктов: *изюм, балык, шашлык, баклажан, лапша*; слова, используемые в товарно-денежных отношениях: *деньги, аршин, безмен, товар* [5, с. 15].

Д. С. Сетаров в статье «Тюркизмы в русских названиях лошадей» ставит своей целью

не только выявление тюркизмов в этой терминологической сфере, но и этимологизирование их. Словами тюркского происхождения являются такие, как *актаз* 'белая арабская лошадь', *аргамак* 'рослая и дорогая азиатская лошадь', *балабан* 'жеребец', *бахмат* 'малорослая крепкая лошадь', *битюг* 'крепкий ломовой конь', *буланый* 'светло-желтый с черным хвостом и гривой', *бурый* 'между рыжей и вороной', *зунан* 'трехлетний жеребенок или теленок', *даган* 'стригун', *джигитай* 'осляк, между конем и ослом', *игрневый* 'рыжий со светлой гривой и хвостом', *имнюшка* 'кляча', *ишак* 'осел', *калтарый* 'гнездорыжий, гнедой белогривый', *карабаур* 'порода лошадей, выведенная в Узбекистане', *караковый* 'темно-гнедой с подпалинами', *карий* 'самая темная гнедая, но посветлее караковой', *катер* 'осляк, помесь осла и кобылы', *каурий* 'светло-каштановый', *кобыла*, *косяк*, *кулан*, *лошадь* и многие другие [6].

Русские рано вступили в непосредственные контакты с тюркскими народами Кавказа, Поволжья, Урала, Средней Азии, и эти контакты постепенно крепили. «Проникновение заимствованных слов и усвоение их общенародным русским языком происходило постепенно и различными путями. Сначала заимствованные слова проникали в местные, пограничные с ареалом распространения языка-источника говоры и диалекты русского языка, затем распространялись на более широкую территорию, например, на весь Кавказ, всю Среднюю Азию, все Поволжье, всю Сибирь, и только после такого более широкого распространения слово проникало в общенародный устный и письменный литературный язык» [7, с. 6].

Фольклорные произведения могут служить источником материала для исследования тюркизмов в русском языке. Основная их часть, как уже отмечалось ранее, связана с периодом монголо-татарского нашествия. Русские былины как жанр формируются в начале X века, когда русским княжествам приходилось отражать частые набеги степных кочевников-печенегов и входивших в их состав других тюркских племен, половцев (XI–XIII вв.), монголо-татарских племён в период существования Золотой Орды (XII–XV вв.). К древнейшим тюркизмам, зафиксированным в летописях, В. Д. Аракин относит такие существительные, как *боярин*, *казак*, *казна*, *орда*, *шатёр*, *ярлык* [8]. Слово *боярин* связано, по мнению учёных (Ф. Е. Корш, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев), с тюркским сло-

вом *бай* 'богатый', слово *казак*, отмеченное в грамоте 1395 г., может быть переведено на русский язык как 'бездомный человек, скиталец' (А. Н. Самойлович, Н. К. Дмитриев), слово *казна*, зафиксированное в летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», – заимствование из арабского языка посредством кыпчакского, встречается в значениях: 'кладовая', 'место для хранения имущества', 'имущество, сокровище', 'деньги'. Лексема *орда* в своём употреблении оказалась связанной с понятиями 'земля', 'страна'. Слово *шатёр* встречается почти во всех былинах киевского цикла. *Ярлык* как понятие и, соответственно, само слово начинает употребляться в былинах со второй половины XIII века. В отдельных былинах встречаются такие тюркизмы, как *атаман* (*ватаман*), *барс*, *башмак* (*башмачики*), *войлок*, *караул*, *колпак*, *кушак*, *куяк*, *табун*, *чулок* [8].

Известный тюрколог Н. А. Баскаков посвятил монументальное исследование русским фамилиям тюркского происхождения [2]. В его труде исследуется проблема формирования русских исторических фамилий тюркского происхождения, связанных с переходом на русскую службу выходцев из Золотой Орды, а также из родовых и государственных объединений тюркоязычных народов, как более ранних по отношению к Золотой Орде, так и образовавшихся после её распада на Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское ханства. Автор выделил 4 основных типа фамилий тюркского происхождения.

1. Фамилии, имеющие в основе тюркское слово, которые принадлежат роду, ведущему свое происхождение непосредственно от выходца либо из древних огузских и половецких родовых объединений, либо из Золотой Орды и более поздних татарских ханств. К этому типу относится большинство фамилий.

2. Тюркские по происхождению фамилии, объявляемые искусственно созданными родословными западноевропейскими; родоначальниками их называются представители западноевропейских родов, выходцы из Западной Европы, в то время как представители данного рода носят тюркскую фамилию, безусловно связанную либо с тюркским прозвищем, данным русскими, либо с тюркским происхождением данного рода. К таковым относятся, например, фамилии *Тютчев* и *Чичерин*.

3. Тюркские по корню, носители которых имеют явно не тюркское происхождение (*Кура-*

кины (< тюркск. *курак* ‘пустой человек, жадный, скряга’), род которых восходит к литовскому князю *Гедимину* и киевскому князю *Владимиру*, или *Булгаковы* (< тюрк. *булгак* ‘гордый, суматошный человек, смутьян’), род которых ведёт своё происхождение также от *Гедимина* и *Владимира Святого*.

4. Фамилии, имеющие своей основой русский корень, носители которых имеют тюркское происхождение. Таковы фамилии *Строгановы*, *Ростопчины*, *Леонтьевы*, *Матюшкины*, *Племянниковы*, *Свистуновы*, *Уваровы*.

Н. А. Баскаков доказал тюркское происхождение таких фамилий, как *Дашков*, *Бутурлин*, *Мамонов*, *Сабуров*, *Талызин*, *Скрыпеев*, *Ушаков*, *Корсаков*, *Турчанинов*, *Черкасский*, *Шереметев*, *Салтыков*, *Апраксин*, *Бахметев*, *Котенин*, *Аракчеев*, *Чемоданов*, *Карамышев*, *Болдырев* и мн. др.

Всего в монографии анализируется более 300 русских фамилий, сопровождаемых сведениями из родословных и описаниями фамильных знаков (гербов).

С древних времен сохранились в Москве и Московской области тюркизмы *Кашира* (тюрк. *Кош* ‘юрта’), *Балчуг* (‘грязь, болото’), *Арбат* (восходит к арабскому слову *рабат*, *рабад*, появившемуся в Москве через тюркское посредство, означает в языке-источнике – ‘предместье, иногда окруженное внешней стеной’), *Таганка* названа по слободе мастеров, изготавливающих *таганы* ‘треножки для котлов’), *Ордынка*, откуда начиналась дорога на Орду, *Толмачевский переулок*, где жили переводчики, *Китай-город* (< *катай* ‘крепость-укрепление’), *Черкизовские улицы* (<имя собственное *Серкиз*) [9, с. 27-28].

Приведём тюркские названия московских улиц по результатам исследования Н. А. Баскакова [9, с. 20-29]. К таковым относятся следующие названия: *Татарская улица* (*Татарский переулок*) от этнонима *татар* – по имени одного из тюркских народов, восходит к имени хана *Татар*, внука старшего сына *Чингисхана Джучи*; *Туркменский проезд* от этнонима *туркмен*; *Боярский переулок*; *Уланский переулок* (от тюркского *оглан* ‘мальчик’), *Басманная улица* (*Басманный переулок*, *Басманный 1-й переулок*, *Басманный тупик*, от *басман* ‘дворцовый, казенный хлеб’, *бас-* ‘давить, ставить печать’); *Ямская улица* (*1-я*, *2-я*, *Ямского поля 1-я улица*, *3-я улица*, *5-я улица*, от *ям* ‘курьерская запасная лошадь’); *Илимская улица* (от *илим* ‘смола’); *Колпачный переулок* (от *каплак*, *калпак*

‘остроконечная войлочная шляпа’); *Шаганский переулок* (*шаган* ‘клен’). Отдельно выделяется группа наименований, связанных с фамилиями и прозвищами: *Аксакова переулок*, *Алымова улица*, *Алебьева улица*, *Бабаевская ул.*, *Барыковский переулок*, *Бахметьевская улица*, *Бабичева улица*, *Бирюзова маршала улица*, *Бирюлево поселок*, *Булатниковская улица*, *Булгаковский переулок*, *Бутаково*, *Аркадия Гайдара улица*, *Гоголя улица*, *Дашков переулок*, *Ермолова генерала улица*, *Ибрагимова улица*, *Измайловская площадь*, *Казакова улица*, *Кантемировская улица*, *Карамышевский проспект*, *Карташевский переулок*, *Ковылинский переулок*, *Козлова улица*, *Кочновский переулок*, *Кулаковский переулок*, *Кутузова проспект*, *Мичуринский проспект*, *Наримановская улица*, *Нарышкинский проспект*, *Огарева улица*, *Сабурово*, *Салтыковская набережная* и другие.

Русскую историческую лексикологию интересуют вопросы, связанные с определением соотношения генетически различных слов того или иного пласта русской лексики, история их функционирования и современного статуса, специфика взаимодействия заимствований и исконной лексики.

Сравнением особенностей функционирования в русском языке тюркизмов и заимствований из западноевропейских языков занималась Р. А. Юналеева [10]. Она выявила, что тюркизмы входили в русский язык как однозначные слова, обозначавшие конкретные, широко распространенные бытовые реалии, а западноевропейские заимствования проникали в русский язык почти исключительно путем письменным – через газеты и научные стили речи. Основной приток тюркизмов (по XVII в.) происходил устным путем, а западноевропейские заимствования стабилизировались под влиянием норм письменной речи.

Между ними отмечаются различия в направленности этих изменений: западноевропейские заимствования активно передвигаются из сфер специальных в общий язык, тюркизмы – в сферу специальной терминологии. Тюркизмы, будучи исходно бытовыми словами, приобретали переносные значения и проникали в пределы различных терминологических систем, в сферу отвлеченных понятий и представлений. Например, *серьги* ‘украшение’ – ‘отростки у петуха и курицы под шеей’, ‘цветы’; *колпак* ‘вид головного

убора' – 'абажур', 'сачок для ловли рыб'. Они, являясь названиями новых, входящих в повседневный быт реалий (*сундук, амбар, стакан, чулки, тулуп, карман* и др.), заполнили свободные ячейки номинационной шкалы. Поэтому тюркизмы долгое время были единственным средством номинации и результатом лексико-семантической недостаточности. Обращаясь переносными значениями, тюркизмы, утрачивая свою монопольность как лексемы, пополнили ряды лексико-семантической избыточности. Явление лексической избыточности, как пишет Р. А. Юналеева, таким образом, коснулось тюркизмов лишь позднее, с притоком западноевропейских, которые в ряде случаев оказались более жизнеспособными (ср.: *башимак – ботинок; штаны – панталоны – брюки*) [10]. Большая часть тюркизмов как номинации новых объектов первоначально функционировала в качестве нейтральных слов. В дальнейшем часть из них, обозначавшая устаревающие или устаревшие предметы, стала приобретать отрицательно-оценочное значение (*кабак* 'о шуме, беспорядке', *балахон* 'не по размеру широкая одежда', *сарай, лачуга* и т. п.). Развитие переносных значений, повлекшее переход тюркизмов в разряд других тематических групп, породило также варианты русских параллелей эмоционально-уничтожительного характера (ср. *бирюк* 'нелюдимый человек', *ишак* 'упрямый', *колпак* 'простак', *епанча* 'неряха', *азям* 'оборванец', *башка* и т. п.).

Займствования из национальных языков занимают особенно большое место в местных русских говорах. Чаще всего в русские говоры проникают топонимы; наименования местных пород домашних и диких животных, видов растений, деревьев, т. е. слова, относящиеся к местным разновидностям фауны, флоры; названия предметов домашнего обихода, утвари, упряжи местного происхождения, названия особых разновидностей одежды и обуви, приспособленных к местным условиям, т. е. так называемые *этнографизмы*.

В истории русского языка, как и других языков, наблюдаются процессы движения заимствованных иноязычных слов из говоров в литературный язык. В специальной литературе отмечается, что Сибирь, которая активно стала осваиваться значительно позже, до сих пор является поставщиком слов-этнографизмов, не известных в литературном языке. Наличие лек-

сических этнографизмов в Сибири определяется рядом причин: как особыми природными условиями, так и особенностями быта и ведения сельского хозяйства, вызванными природными условиями, а также влиянием на русский язык языка аборигенов.

Русский литературный язык пополнил ряд таких бывших сибирских этнографизмов, как *тайга, омуль, максун, нельма*.

По мере распространения русского литературного языка в национальных районах происходит постепенная замена в местных говорах заимствованных слов не русскими местными диалектными лексическими единицами, а словами из русского литературного языка. Такие процессы наблюдаются в Сибири, на Кавказе и в других отдалённых от центра районах нашей страны.

Русские говоры Сибири характеризуются особыми словами, заимствованными из местных тюркских языков. Их нет в русском литературном языке, они узуальны. К таким относятся: *ангич* 'водящаяся в восточных берегах Сибири утка-морянка', *бульгун* 'вид совы', *бурнастый* 'хохлатый и мохноногий', *тарбазин* 'забайкальский орел' [11]; *аллакать* 'разговаривать, говорить' (тобол.), 'говорить без умолку', 'говорить на чужом языке' (неодобр.), 'говорить непонятно, сумбурно' < тюрк. ср. тат. *алла*, тур., азерб. *Allah* 'бог, аллах' и др. < араб. 'allāh (русская глагольная форма образована путём продуктивного суффикса -ка-); ср. также: *бозу, бузу* 'теленки', *ирчик* 'колесико, на котором сучат пряжу' (Хакасия), *каба* 'труха, истоптанное сено', *кирга* 'обод силка из конских волос для ловли куропадок', *кутай* междометие: *А, мой кутай* 'О, мой бог', *майгак* 'самка марала', *маймаки* 'кожаная обувь', *макан* 'толстый столб, подпирающий что-либо', *махтить* 'хвалить' [12].

Займствования из хакасского языка в речи русских жителей, проживающих в Таштыпском районе Республики Хакасия, изучала Ф. Т. Андреева [13]. В своей статье она рассмотрела 48 заимствований. Автор проанализировала не только слова, которые были заимствованы из хакасского языка, такие, как: *аарчы* 'суп, заправленный кислым молоком', *аба* 'медведь', *абицах* 'медведь', *алтын* 'золото' и 'полтинник', *арага* (арака) 'спиртной напиток, приготовленный из ячменя, пшеницы (иногда из кислого молока)', или 'водка', *бай* 'богач, кулак', *джерба* 'зерно крупного помола', *казра* 'молодая кобылица, телка или нетель', *калба* 'дикий чес-

нок', *кандык* 'таёжное растение со съедобным корнем', но и общерусские тюркизмы, такие, как: *башлык*, *аркан*, *калым* 'выкуп за невесту' и 'приработок', *яман* 'козёл', *сабантуй* 'вечеринка, праздник', 'массовое гуляние', *бабай* 'дед, старик, которым пугают детей', *бельмес* 'ничего не понимающий, не смыслящий', *карга* 'сварливая, злая или безобразная старуха'.

Есть примеры, где хакасский выступил в качестве языка-посредника, например, *салагай* 'левша' (язык-источник – монгольский).

Р. Д. Сунчугашев выделил топонимы со следующими компонентами: *так*, *тау* – *Уйтак*, ст. *Уйтак* (Аскизский район) (хак. *үү таг*), станция *Алатау* (хак. *Ала таг*), *Улутак* (*улуг таг*); *таскыл* – хак. *тасхыл* 'голец, высокая каменная гора, с покрытой снегом вершиной' (*Изербель таскыл* – голец по реке Енисей, в Бейском районе, от хак. *Изер тил*); *кай*, *гай* – хак. *хайа* 'скала' (гора *Кулагай* в Бейском районе, от хак. *Хулах хайа* 'гора в виде уха'); *гол* – хак. *хол* 'впадина между горами, лог' (*Изергол* в Усть-Абаканском районе от хак. *игир хол* 'кривой лог'); *су* – хак. *суг* (*Теренсу* – правый приток реки Томь, от хак. *тирең суғ* 'глубокая река'); *куль*, *коль* – хак. *көл* 'озеро' (*Баланкуль* – озеро в Аскизском районе, от хак. *пуланнныг көл* 'лосиное озеро', *Иткуль* – озеро в Ширинском районе, от *Ит көл* 'собачье озеро'); *чуль*, *жуль* – хак. *чул* 'речка, ручей' (река *Бирикчуль*, посёлок *Бирикчуль* в Аскизском районе, от хак. *пирік чул* 'труднопроходимая речка' [14]. Как отметил исследователь хакасской топонимии Р. Д. Сунчугашев, калькирование как пример опосредованного заимствования используется в топонимии. Примеры полных топонимических калек: *Небесный зуб* – название хребта (*Тигір тис* < *тигир* 'небесный', *тис* 'зуб'), *Хара көл* – Чёрное озеро, *Хуба чар* – Белый Яр, *Хызыл чар* – Красноярск, *Тас алты* – Подкамень. Примеры частичных калек: *Ах үйс* – Белый Июс, *Хара үйс* – Белый Июс, *Хызыл Туран* – Краснотуранск, *Улуғ Сыр* – Большой Сыр, *Улуғ Нонып* – Большой Монок, *Улуғ Аңзас* – Большой Анзас, *Улуғ Сее* – Большая Сея, *Кічіг Сее* – Малая Сея, *Улуғ Ханым* – Большой Ханым [14].

М. И. Боргояков привёл пример того, как кальки со временем могут вытеснить подлинник, который может быть постепенно забыт. В Ширинском районе левый приток р. Большая Сья называется *Собака*. В русских исторических документах XVIII века она зафиксирована как *Ит* или *Ит чул*. Слово *ит* во многих тюрк-

ских языках имеет значение 'собака'. В современном хакасском языке оно вытеснено словом *адай*. *Ит* сохранилось в хакасских диалектах в словах *ит пурун* 'шиповник', *ит табан* – выражение крайнего возмущения в фольклоре [15].

Хакасские слова встречаются также в письменной речи, в частности, в этнографической, художественной литературе и публицистике. Здесь они обозначают названия предметов и явлений хакасского быта и культуры, названия племенных групп хакасов, являясь безэквивалентной лексикой, служа также средством национального колорита. Часть из них, осваиваясь русским языком, приобретает способность принимать словоизменительные показатели. Приведём примеры.

Узорным чатханом тоску мою вылью: я старый койбал, а не сказочный гунн, занесенный тысячелетней пылью (М. Воронежский). *Чатхан* (ср. также ниже отражённый В. В. Радловым диалектный вариант *чаттаган*) – хакасский струнный музыкальный инструмент; *койбал* от *хойбал* – название этнической группы хакасов.

В целом абаканские татары музыкальнее своих западных соседей – им известны четыре различных музыкальных инструмента. Кроме уже описанных, имеющих и у алтайцев, камышовой свирели и гитары, я обнаружил у них кобыз (род скрипки) и чаттаган, лежащую арфу. Кобыз по форме похож на глубокую сквородку с длинной ручкой. Резонатором служит туго натянутая над углубленным дном звериная шкура, выделанная как пергамент, в середине нее находится довольно большое круглое отверстие, окруженное множеством маленьких, над ними установлена деревянная подпорка, поддерживающая струны... Чаттаган представляет собой плоский ящик с двойным дном, длиной в аршин и шириной в три-четыре вершка, чаще всего из ели или кедра, на этом ящике – вдоль него – укреплены шесть струн различной толщины (Радлов). *Кобыз* от *хомыс* – название хакасского музыкального инструмента. Запись Радлова отражает диалектный вариант, в хакасском языке согласные б и м представляют чередование.

Здесь вечный снег, здесь вечный снег вокруг тасхылами распорот (М. Воронежский). Слово *тасхыл* в хакасском языке имеет два значения: 1. Высокая безлесная гора; 2. Цепь высоких гор в тайге, вершина тасхыла обычно покрыта альпийской растительностью [16, с. 602].

Пронзённый стрелой, отвернувшись украдкой, в предсмертном томлении пиг Ипанча воткнул в себя нож с золотой рукояткой (М. Воронецкий). *Пиг* – устаревшее слово, имеет три значения: 1. Чиновник; 2. Хан, господин, князь; 3. Начальник, высший чин [16, с. 358].

Вы, кто заставляете сегодня бить-гремить мою орба, – оставьте колотушку, дайте помолчать ей и мое запястье отпустите – дайте отдохнуть руке шамана (ШП). *Орба* – колотушка для шаманского бубна; жезл шамана.

Ездишь ты на черно-буром скакуне, из черной выдры у тебя камча, а шапка из лисицы черноспинной (ШП). *Камча* – русифицированный вариант хакасского слова *хамчы* – плеть, нагайка, кнут, бич.

А ещё приносят в жертву хариуса, что в проточных водах выловлен, подносят и кандык, в горах растущий – на местах особо чистых (ШП). *Кандык* от слова *хандых* – растение из семейства лилейных со съедобными луковичками, использовалось в пищу хакасами.

Талган – жареное зерно, перемолотое до полумелкого состояния, крупнее, чем мука (Кустова). *Талган* – от хак. *талган*, слово обозначает вид продукта, мелко смолотый обжаренный ячмень или пшеница, употребляемый в пищу с молоком, маслом или абыртхы [16, с. 582].

Свою паашню койбалы научились распахать русским плугом, называемым ими сабаном (Ватин). *Сабан* – ист. соха, плуг с деревянным отвалом.

Кроме прямых заимствований и структурных заимствований (калек) встречается и заимствование семантических моделей. В 2012 году мне довелось быть рецензентом выпускной квалификационной работы «Профессиональная лексика охотников и рыболовов в языке жителей Таштыпского района» студента 5-го курса Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова А. В. Есякова (научный руководитель – Майнагашева Е. К.). Работа была написана на основе самостоятельно собранного автором материала путём интервьюирования русских старожилов-охотников и рыболовов, проживающих в Таштыпском районе Республики Хакасия. Таежные промыслы представляли важную часть их хозяйственно-культурного комплекса. Мое внимание привлекли выводы, полученные Андреем Владимировичем в результате анализа лексем этих ЛСГ,

например, номинационная роль метафоры «домашние животные → дикие животные».

В работе представлены следующие ряды половозрастных наименований промысловых животных и птиц, термины построены метафорическим путём:

бык – самец марала,

корова – самка марала,

тарбак – марал, возрастом меньше года (от хак. *торбах* ‘годовалый телёнок, телёнок на втором году’ [16, с. 652]). То есть возникает корреляция: *бык* – название взрослого самца, *корова* – название взрослой самки, *тарбак* – хакасское название использовано для обозначения невзрослого потомства.

Коза – самка косули,

козел – самец косули,

аглак – молодая косуля до года. Здесь мы также видим реализацию подобного приведённому выше механизма номинации: схожие с домашним по облику животные названы *козлом* и *козой*, хакасское название *оглах* – *козленок* (детеныш дикой козы) – использовано для обозначения их потомства.

Петух – самец глухаря,

курица – самка глухаря;

кот – самец соболя,

кошка – самка соболя.

Автор работы не выявил истоков возникновения данных номинаций. Если обратиться к данным этнографии и фольклора, то, согласно традиционным воззрениям тюрков Сибири, к которым относятся и хакасы, дикие животные считались домашним скотом хозяина тайги. Важен и фактор языкового табуирования, существовавший у хакасов. Как нам кажется, указанные два фактора не могли не воздействовать на речь русских переселенцев Таштыпского района, которые, для того чтобы адаптироваться к суровым климатическим и новым географическим условиям, были вынуждены перенимать элементы традиционной культуры хакасов. Думается, что если были бы продолжены изыскания в этой области, то возможно выявление и иных аспектов взаимодействия русского и хакасского языков на местах.

В дореволюционный период основным путём проникновения в русский язык этнографизмов был говор или диалект местного языка, откуда они переходили в говор или диалект русского языка, распространяясь затем в более обширном районе (например, в Сибири) в живой

русской речи, проникая в русский литературный язык в его устной и письменной формах.

Как мы видим, слова, заимствованные русским языком из языков народов России в дореволюционную эпоху и в первый период существования советской власти, являются главным образом этнографизмами – наименованиями, специфичными для данной местности, отражающими особенности традиционной культуры и быта народа.

Чем ближе к современности, тем более усиливается проникновение русизмов в тюркские языки (односторонний процесс).

Тюркские топонимы получают адаптацию в русском языке, входят в русскую географическую лексику в адаптированном к фонетической системе виде. Хакасские слова употребляются в текстах на русском языке, представляющих научный, художественный, публицистический стили.

Литература

1. *Тюркизмы в восточно-славянских языках.* – М., 1974.
2. Баскаков Н. А. *Русские фамилии тюркского происхождения.* – М., 1979.
3. Баскаков Н. А. *О тюркских лексических заимствованиях в русском языке // Советская тюркология.* – 1983. – № 4. – С. 13-20.
4. Добродомов И. Г. *Заимствование // Большой энциклопедический словарь. Языкознание.* М., 2000. С. 158-159.
5. Калинин А. В. *Лексика русского языка.* – М., 1978.
6. Сетаров Д. С. *Тюркизмы в русских названиях лошадей // Советская тюркология.* – 1981. – № 6. – С. 16-32.
7. *Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР.* – М., 1969.
8. Аракин В. Д. *О некоторых тюркизмах в русских былинах Киевского цикла // Советская тюркология.* – 1984. – № 1. – С. 15-28.
9. Баскаков Н. А. *Тюркизмы в названиях московских улиц // Советская тюркология.* – 1979. – № 2. – С. 20-29.
10. Юналеева Р. А. *Тюркизмы в системе заимствований русского языка // Советская тюркология.* – 1987. – № 1. – С. 8-13.
11. Сетаров Д. С. *Тюркские лексические элементы в русских названиях птиц // Советская тюркология.* – 1983. – № 6. – С. 11-21.
12. Аникин А. Е. *Из этимологических наблюдений над тюркизмами в русских говорах Сибири // Диалектная лексика тюркских языков Сибири.* – Новосибирск, 1987. – С. 17-19.
13. Андреева Ф. Т. *Тюркские заимствования в русском говоре Таштыпского района Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ.* – № 18. – Абакан, 1973. – С. 43-51.
14. Сунчугашев Р. Д. *К вопросу о формировании русской топонимики в Хакасии // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития.* – Абакан, 1998. – С. 211-214.
15. Боргояков М. И. *Этюды по топонимике Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ.* – № 18. – Абакан, 1973. – С. 33-42.
16. *Хакасско-русский словарь.* – Новосибирск, 2006.